

ЮБИЛЕЙ БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА ЕМЕЛЬЯНОВА

8 июня 2025 г. исполнилось 90 лет выдающемуся ученому, известнейшему специалисту по истории русской философии Борису Владимировичу Емельянову. Выпускник философского факультета Ленинградского государственного университета, он связал свою профессиональную жизнь с Уральским государственным университетом, в котором проработал уже более полувека. Юбилей Бориса Владимировича является знаковым событием для всех историков русской философии, поскольку с ним и с его исследованиями во многом ассоциируется современная историография русской философии. Работы Б.В. Емельянова

стоят в одном ряду с исследованиями таких крупнейших отечественных историков русской мысли, как В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, Б.В. Яковенко и др. Его монографии о народничестве, русском космизме, философии ненасилия Л.Н. Толстого, религиозной философии, педагогической антропологии, философии права, Б.Н. Чичерине, П.К. Энгельмейере, многочисленные учебные пособия и курсы лекций по русской философии, библиографические указатели заслуженно пользуются популярностью у всех, интересующихся историей интеллектуальной культуры России. Подготовленные Б.В. Емельяновым к изданию труды русских мыслителей открыли ранее малоизвестные страницы отечественного любомудрия. Особенно следует отметить издание «А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет. Очерки истории русской философии» (Свердловск, 1991) и переиздание сборника «Вехи» (Свердловск, 1991), которые вернули в интеллектуальное пространство современной России важнейшие тексты русских философов. Источниковедение и историография – это та научная почва, на которой строится академическое здание истории русской философии. Изданные недавно «Три века русской философии. Хронограф XVIII–XX вв.» и «Источниковедение истории русской философии XIX – начала XX века» – это фундаментальные труды, которые дают полное право считать Бориса Владимировича патриархом историографии русской философии.

Редакция журнала «Философский полилог» от всей души поздравляет Бориса Владимировича с юбилеем и искренне желает ему крепкого здоровья, творческого долголетия, личного и профессионального благополучия.

ДИСКУРС ФИЛОСОФИИ В ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ К.А. НЕВОЛИНА

Борис Емельянов
Ольга Ионайтис

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург

К.А. Неволин (1806–1855) – один из основоположников российской юридической науки. Его «Энциклопедия законоведения» (1839–1840) является первым отечественным трудом, в котором изложена система философии права, ее истории, влияние на законотворческую практику. В статье рассмотрены основные положения философско-правового учения Неволлина, показано, что он исходил из собственной интерпретации философии права Г. Гегеля и идей исторической школы Ф. Савиньи. Особое внимание Неволин уделил вопросам значения права в жизни общества, его роли в историческом прогрессе, полагая, что свои высшие цели право не может реализовать без глубокой системы философского осмысления самой сути закона, права и его бытия. Лекции, которые читал Неволин в том числе и в Императорском училище правоведения, имели большой философско-правоведческий потенциал, вытесняя немецкие учебники по правоведению. Неволин подчеркивал практическое значение философии права для законодателей, поскольку она должна помогать юристам в процессе формирования новых законов. Через философское осмысление права, как считал Неволин, юрист осознает высшие предназначение закона – служить Истине, обществу и человеку. По его мнению, не только право, но и государство требует философской рефлексии, поскольку и оно создает условия для жизни человека, придает ей смысл. Неволин философски осмысливает взаимовлияние понятий закона и правды. Размышляя о соотношении правды, права и закона, он выстраивает систему философских положений, в которой закон есть выражение вечных начал правды и путь ее реализации.

Ключевые слова: русская философия права, «Энциклопедия законоведения», К.А. Неволин.

The article is devoted to analyzing the ideas of Konstantin Alekseevich Nevolin (1806–1855) who was one of the founders of Russian legal science. His fundamental *Encyclopedia of Jurisprudence* (1839–1840) was the first Russian work to outline a system of legal philosophy, its history, and its influence on legislative practice. This article examines the basic tenets of Nevolin's philosophical and legal teachings, demonstrating that he drew on his own original interpretation of G.W.F. Hegel's legal philosophy and the ideas of Friedrich Carl von Savigny's historical school. Nevolin paid special attention to the issues of the significance of law in the life of society, its role in historical progress, believing that law cannot realize its highest goals without a deep system of philosophical understanding of the very essence of law and its application. Nevolin's lectures, including those delivered at the Imperial School of Law, had great philosophical and legal potential and could successfully compete with German textbooks on law. Nevolin emphasized the practical importance of legal philosophy for both lawyers and legislators, as it should assist them in the process of drafting new laws. Through a philosophical understanding of law, Nevolin believed, a lawyer may understand the law's highest purpose – to serve Truth, society, and humanity. In his view, not only law but also the state requires philosophical reflection, since it creates the conditions for human life and gives it meaning. Nevolin philosophically examines the interplay between the concepts of law and truth. Reflecting on the relationship between truth, law, and rule, he constructs a system of philosophical propositions in which law is an expression of the eternal principles of truth and the path to its realization.

Keywords: Russian philosophy of law, “Encyclopedia of jurisprudence”, K.A. Nevolin.

Константин Алексеевич Неволин родился в 1806 г. в городе Орлов Вятской губернии в семье священника. После окончания в 1824 г. Вятской семинарии он поступил в Московскую духовную академию, полный курс которой окончил за три с половиной года. Религиозное образование было для Неволина базой для будущих его теоретических работ по праву. Можно сказать, что изначально он выстраивал свою концепцию права в контексте православных воззрений, что мы увидим в его рассуждениях о связи права и нравственности, права и Бога, права и сути бытия человека.

В 1828 г. в числе трех лучших выпускников академии Неволин был рекомендован для изучения юридических наук во II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где лекции им читали М.М. Сперанский, А.П. Куницын по истории российских законов и К.И. Арсеньев по всеобщей истории. Каждый из этих педагогов оказал свое ни с чем не сравнимое влияние на учеников и ввел их в круг современных правовых и философско-правовых дискуссий [6]. Осенью 1829 г. Неволина и группу его товарищей по высочайшему повелению после успешной сдачи экзаменов по праву направили в Берлинский университет для совершенствования в юридических науках. В Берлинском университете Неволин и его сокурсники слушали лекции Г.В.Ф. Гегеля и основателя юридической школы права Ф.К. фон Савиньи; последний в письмах к М.М. Сперанскому высоко оценивал успехи Неволина в изучении энциклопедии и философии права.

Годы обучения в Германии дали Неволину расширить объем своих познаний не просто в праве, но и в философии права, что во многом определило его мировоззренческую позицию. «Он был одним из немногих (наряду с П.Г. Редкиным, И.В. Киреевским) русских слушателей лекций Гегеля в Берлинском университете и хорошо знал о состоянии европейской философии права в то время» [13, с. 191]. Но главное было в том, что из углубленного изучения немецкой традиции Неволин сделал определенные выводы уже для своей концепции, и они были четко сформулированы. «Задачи научного законоведения Неволин освещал с позиции различения естественного права (естественного закона) и позитивного права (положительного закона). При этом естественный закон он трактовал как “идею законодательства”, а позитивный закон – как ее “проявление”. Свой философско-правовой подход к закону он обосновывал так: существо закона – это правда, а “существо правды может быть определено только в философии”» [13, с. 191]. Мы можем видеть в течение всей эволюции мировоззрения Неволина, что указанная установка сохраняет для него свое определяющее значение, является базой, на которой мыслитель будет строить свою философско-правовую систему [10].

В 1832 г. студенты вернулись в Санкт-Петербург, где их прикомандировали к императорской канцелярии, чтобы подготовить при ней комплекс учебной литературы по юридическим наукам. Однако министерство народного просвещения предложило им сдать соответствующие экзамены, выбрать предмет преподавания из области юриспруденции и университет, где они будут читать лекции. Сперанский, всеми силами стремившийся углубить и сделать системным юридическое образование в России, подключил Неволина и его однокурсников к этому процессу.

Неволин, сдав экзамены на степень доктора права, на собрании философско-юридического факультета Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1835 г. защитил докторскую диссертацию на тему «О философии законодательства у древних». Официальными оппонентами на его защите были профессора А.А. Фишер и Н.Ф. Рождественский, в диспуте участие принимал министр народного просвещения С.С. Уваров. Следует подчеркнуть тему работы Неволлина – в ней исследовалась именно философия законодательства. Это свидетельствует, что вопрос о философских основаниях права изначально был для него научно актуален. 6 марта 1835 г. Неволлину присудили ученую степень доктора права. Для работы он выбрал Киевский университет св. Владимира и приступил к чтению лекций в нем по энциклопедии права и учреждениям Российской империи.

Преподавательская и научная деятельность Неволлина в Киевском университете пользовалась большим успехом у коллег и студентов, его трижды – в 1837, 1839 и 1841 гг. – избирали ректором университета, а правительство в 1842 г. произвело Неволлина в коллежские советники. Его «Энциклопедия законоведения», изданная в двух томах в 1839–1840 гг., на долгие годы стала важнейшим учебным пособием на юридических факультетах русских университетов, заменив немецкие учебники. Высоко оценил Неволлина один из его учителей и научных наставников – Савиньи, а Академия наук присудила Неволлину за нее полную Демидовскую премию. «Сочинение это, заключающее в себе, кроме собственно энциклопедии права, еще историю права и историю положительного права, имело, несомненно, весьма значительное воспитательное значение для русского общества, предложив ему такую массу разнообразных сведений, какую не вмещала вся предшествующая русская юридическая литература, вместе взятая» [21, с. 31–32]. Такая высокая оценка вполне отражает реальное положение дел. Неволлин был не только талантливым ученым, но и через свою научную деятельность оказывал влияние на общественное мнение, формируя правовую культуру общества.

Вернувшись в марте 1843 г. в Петербург, Неволлин поступил на службу ординарным профессором кафедры гражданских законов общих, особенных и местных Санкт-Петербургского университета. Он становится заведующим кафедрой российских гражданских законов Петербургского университета. Вскоре его избирают деканом юридического факультета и проректором университета. Но что показательно: Неволлин не забывает никогда о философской составляющей своего мировоззрения и одновременно со всеми перечисленными обязанностями читает лекции на философском факультете, а с начала 1848 г. и в Императорском училище правоведения.

Неволин не просто теоретик и профессор, его неоднократно привлекают для работы в Министерстве юстиции: в 1852 г. он трудится над исправлением военно-уголовного устава, в 1853 г. назначается членом его консультационного отдела, а в последние годы жизни работает во II отделе Канцелярии Его Императорского Величества.

На фоне всей своей многоплановой занятости, Неволлин не оставляет и научную работу, связанную с историей русского права и гражданских законов. Результаты этих исследований нашли отражение в его публи-

кациях, таких как трехтомная «История российских гражданских законов» (1851), за которую он получил полную Демидовскую премию (1852). Первую Демидовскую премию, как мы уже указывали, он получил еще в 1841 г. за «Энциклопедию законоведения», третью Демидовскую премию он получил в 1854 г. за монографию «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке». Труды Невалина были отмечены и другими известными отечественными наградами в области науки: за работу «О важности писцовых книг для древней географии России» в 1851 г. ему была вручена высшая награда Императорского географического общества – Константиновская медаль. Заметим, что эта работа Невалина заложила начало исторической географии в России.

Среди значительных трудов Невалина укажем на другие его монографии: «Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого», «О пространстве Церковного суда в России до Петра Великого». Императорская Академия наук, отмечая научные заслуги Невалина, избрала его в 1853 г. своим членом по Отделению русского языка и словесности. Во всех работах Невалина обнаруживаются проявление не просто интереса к философскому осмыслению права, не только стремление к объединению «исторического изучения права с философскими построениями» [19, с. 460], но и глубоко продуманная собственная концепция философии права, отразившаяся во всех аспектах юридической науки, которыми он занимался.

В 1855 г. Невалин по состоянию здоровья уходит в отставку со своих постов и уезжает на лечение в тирольский город Бриксен, где 6 октября 1855 г. уходит из жизни. Похоронен Невалин в Санкт-Петербурге на Смоленском кладбище.

История русской философии предстает перед нами именами не только профессиональных философов, окончивших философские факультеты, преподававших философию и создавших свои труды, отражающие национальные особенности отечественного любознательности, но и именами литераторов, ученых, юристов, деятелей искусства. Пронизанность русской культуры во всех ее сферах философскими исканиями, дискуссиями со времени митр. Илариона Киевского и его «Слова о Законе и Благодати» и до наших дней – характерная черта отечественной интеллектуальной истории. «Русская философия подарила миру много загадок, одна из таких загадок – склонность именно юристов к прояснению тайн русской души, к философичности в русском понимании этого слова. Очень многие русские мыслители по своему университетскому образованию были юристами (Н.А. Бердяев, П.И. Новгородцев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин и др.), но и независимо от этого один и тот же русский автор писал и о правовых, и о нравственных, и о политических, и о педагогических, и о религиозных вопросах... это не просто универсализм русских философов, а органическое родство правовых и нравственно-религиозных исканий» [8, с. 5]. В парадигме этой традиции работал и Невалин.

Сочинения Невалина во многом определили развитие философии права в России, став теоретической базой для дальнейших исследований в этой области. И.В. Михайловский, ученик известного философа права Б.Н. Чичерина, писал, например, о том, что именно с Невалина начина-

ется философия права в России [16, с. 36]. Труд Невolina «Энциклопедия законоведения» «является первым в России оригинальным произведением по теории и философии права, постепенно вытеснившим немецкие учебники по естественному праву» [7, с. 598], а его работа «История российских гражданских законов» явилась первым этапом формирования науки гражданского права в России.

Неволина всегда интересовала философия права. Уже в своей докторской диссертации он высказал приверженность философскому подходу к проблемам права, поскольку философия, по его мнению, дает наиболее глубокий их анализ, исследует закон в существенных его видах.

Размышляя о связи философии и закона, Неволлин подчеркивал как положительные, так и отрицательные аспекты их взаимодействия. Например, анализируя эпоху Просвещения, он указывал, что крайняя рационализация философии приводит к искаженным философским конструкциям и насилию в обществе. Сосредоточенность рационалистической философии Просвещения на идее идеального общества, построенного на разуме, привела к революции, которая породила небывалую волну насилия. Французская революция выпустила «дух вольности», не контролируемый верой и моралью, и Европа испытала всю силу разрушающего действия воли вне закона. Причина и последствие подобного развития философии Просвещения кроются, по мнению Невolina, в индивидуалистическом духе западной традиции, сосредоточенности на «лице единичном». Неволлин пишет: «Единичному лицу придается здесь необыкновенная важность; свободный круг его деятельности расширяется, сколько возможно; далее, его благо и безопасность становятся средоточием и целью общественных установлений. Внимание философии законодательства обращено не столько на обязанности, сколько на права человека... Для внешней деятельности принято правило начало свободы» [19, с. 320]. Свобода важна и значима в истории человечества, цивилизации и жизни отдельного человека, но не свобода сама по себе, а свобода, соотнесенная с высшими смыслами бытия мира, человечества, человека. Человек изначально не абстрактно свободен, его свобода есть результат морального, нравственного, религиозного развития. «В нравственном смысле то только может быть названо истинным достоянием человека, чего он достиг своим трудом, о чем он действительно знал и чего хотел. Итак, что принадлежит человеку от самой природы, независимо от всякого труда с его стороны, независимо от его сознания и воли, то не может иметь значения нравственного. В самом деле, если человек имеет по природе такую же свободу, какую всякий дикий зверь, то почему бы должна быть уважаема свобода одного и, напротив, не щадима свобода другого? Как существа только от природы свободные, они имеют равное право, или в равной мере не имеют права быть уважаемы и щадимы с их дикой свободой» [19, с. 321]. Христианство противопоставило свое понимание свободы такой природной концепции свободы, не требующей от человека духовных устремлений к высшим идеалам, существовавшей еще и в древности, а позже вызванной к жизни в эпоху революционных бурь. Так, он указывает: «В нравственном смысле для человека существует только одна истинная свобода: свобода от своих страстей, господство над ними, определение себя из себя са-

мого к действию по началам нравственным. Но с такой свободой человек не рождается в мир; он может приобрести ее только большим трудом в течение продолжительного времени» [19, с. 322]. Такая свобода, предложенная христианством, по-настоящему освобождает человека и ведет его к развитию любви, доброты, сострадания, всего того, что и есть Человек. Ложная свобода ведет к насилию, разрушению, смерти; истинная свобода созидает, развивает, придает жизни смысл.

Неволин не соглашался с договорной теорией происхождения государства, ставшей столь популярной в философии Нового времени [5]. Государство не ограничивает свободу человека, а наоборот – создает условия для ее развития: «Вне государства существует для человека одна дикая, естественная вольность. Государство не ограничивает только ее, но совершенно ее уничтожает. Взамен того, оно дает человеку нравственное бытие в своих недрах, как в недрах нравственного общества, – возвышает человека над собственными его физическими влечениями и наклонностями, обращая всю его деятельность к нравственным целям, и тем дарует ему истинную нравственную свободу» [19, с. 322].

В XVIII – начале XIX в. философы стали активно обсуждать вопросы философии права и государства. Россия в XIX столетии не остановилась после преобразований предыдущего века, наоборот – трансформация общества и государства шли по линии ускорения. Но теперь это было не только внешнее радикальное изменение, но требовалось осмысление процессов, в юридической сфере в том числе. Неволин, как и многие другие его современники, считал вопрос о государстве и человеке одним из важнейших вопросов своего времени. Каковы цели государства, что оно должно человеку, что человек должен ему? Кто такой гражданин? Можно ли быть в несвободном государстве свободным человеком, и наоборот? Размышляя над поставленными вопросами, Неволин обращался к современной ему европейской философии, переосмысливал ее концепции и приходил к однозначному выводу, что не может согласиться с мнением, что целью государства является безопасность и счастье отдельных лиц. Он считал, что государство есть «осуществленная нравственная идея» и поэтому не может обойти вниманием ни одну из существующих нравственных целей, все их должно вобрать в себя и стать платформой для их реализации.

Неволин размышлял о взаимосвязи закона и правды в «Энциклопедии законоведения», указывая, что «закон по существу своему есть вообще правда. Он или выражает ее требования, или устанавливает меры для исполнения этих требований на самом деле... существо правды может быть определено только в философии, где в непрерывной связи умозаключений развиваются начала всякого бытия, от самого полного до самого ограниченного» [19, с. 33]. Актуализация Невוליным дискуссии о понимании сущности правды, ее философского и юридического осмысления вписывается в общую линию истории отечественного любомудрия. «В России всегда искали правду жизни, не удовлетворялись полезностью и умозрительностью. Правда не может быть чисто юридической регламентацией поведения граждан, правда – это стремление к справедливости, к истинности человеческих отношений, к добру и совершенству. “Русская Правда” как юридический памятник, открытый В.Н. Татище-

вым и по истокам восходящий к древнейшей истории Руси, свидетельствует о глубине слияния в России юридических, нравственных и религиозных категорий» [8, с. 6–7]. Размышления Неволлина о понимании сути правды как категории философской и юридической развивались в русле отечественной традиции и тем самым ее продолжали, несмотря на все культурные и социальные изменения времени.

Вокруг вопроса «правда-право-закон» выстраивается вся система размышлений Неволлина [20]. Он считал, что закон «по существу своему всегда есть изображение вечных начал правды» [19, с. 43]. Но что значит «правда»? Откуда исходит понимание того, что есть «правда», а что есть «неправда»? Кто определяет, что есть «правда»? Как это связано с правом? От этих вопросов отталкивался Неволлин в своих размышлениях. Понятие «правда» появляется только с формированием общества, когда его члены начинают выстраивать взаимоотношения и определять их правила. То, что большинством признается, то и есть «правда». Но это далеко не вся истина о правде, подчеркивал Неволлин. Правда не может появиться только из хаоса отношений между людьми. Она, по его мнению, есть проявление Бога в социальном бытии людей, в нравственном их самоопределении, через его влияние на сознание и волю людей формируется понимание правды: «В мире нравственном Бог открывает себя как существо бесконечно святое и праведное. Существа нравственные сознают идею правды Божественной и в своей воле осуществляют ее» [19, с. 34]. Без Бога человек никогда не осознал бы смысл «правды». Неволлин полемизировал с либеральной традицией и утверждал, что «конечное существо само по себе не имеет никакого достоинства; его достоинство основывается на его единстве с Бесконечным, на том, что силы его устремились к Божественному, что в его деятельности выражается Божественное, что Божество... живет в нем и действует, составляя начало, середину и конец его деяний» [19, с. 37].

Человек не самодостаточен, он, по мнению Неволлина, с одной стороны, открыт для общения с Высочайшим Нравственным Существом – Богом, а с другой стороны, с миром людей, таких же несовершенных, как и он сам. Само общение человека с другим человеком является следствием опыта общения с Богом, этот опыт дан изначально человеку Создателем и поэтому имеет онтологическое основание: «Из общения с Богом для нравственных конечных существ проистекает *общение и между собою*. Находясь в общении с Богом, нравственные конечные существа находятся и в искреннейшем общении друг с другом. Как они любят Божественное во всех видах его существования, то, созерцая взаимно друг в друге образ и жизнь Божества, они любят друг друга так же, как любят все Божественное» [19, с. 37]. Только в общении друг с другом, в совместной деятельности дается возможность раскрыться Божественному в человеке. Общество дает возможность людям, обладающим единой телесной и духовной природой, увидеть бесконечное разнообразие личных свойств и способностей, данных Богом: «...без единства не может быть общества, без разнообразия общество не может быть целым живым, гармоническим» [19, с. 38].

Правда (*justitia*) есть, по мнению Неволлина, верность одного нравственного существа всему обществу. «Праведным мы называем не только все

то, что не противоречит свойству этого общения (с отрицательной стороны), но еще более то, что служит к сохранению и укреплению союза нравственных существ между собой (с положительной стороны); несправедливым, напротив, называем все то, что ослабляет и разрушает этот всеобщий союз нравственных существ» [19, с. 41–42]. Любовь к Богу, переносимая на любовь к ближнему, становится основой правды, и «понятие правды непосредственно заключает в себе отношение к обществу» [19, с. 42]. Таким образом, право и общество, по мнению Невалина, возможны только как следствие взаимного признания всеми членами общества друг в друге образа Творца, и только в этом качестве они достойны правды, любви, уважения, закона. Именно на такой базе могут возникнуть, закрепиться взаимные права и обязанности. В этой взаимности следования правде выражается и взаимность воли каждого человека в обществе. Права и обязанности постепенно исторически оформляются в форму закона.

Когда мы читаем эти размышления Невалина, то видим в них проявление идей европейских мыслителей, которые в России в то время активно обсуждались. Отечественные философы права и юристы или примыкали к лагерю приверженцев Савиньи и исторической школы, или активно провозглашали приоритет философской позиции Гегеля [9].

Судя по работам Невалина, влияние идей Фридриха Карла фон Савиньи было значительным. Вехой в истории европейского и русского правоведения стал выход в свет в 1814 г. работы Савиньи «О призвании нашей эпохи к законодательству и правоведению» [20]. Вполне верно замечание, что «среди множества заслуг этого правоведа следует отметить его выдающуюся роль в научной разработке... понятий национального права, национального единства, национальной культуры, национального государства и национального правоведения» [3, с. 158]. Идеи Савиньи были восприняты и переработаны отечественными мыслителями и правоведами в начале XIX в., для которых интерес к философским и теоретическим аспектам права стимулировался общественным интересом и расширением юридической сферы российского общества. После начала работы в 1755 г. Московского университета было открыто еще пять университетов, в каждом из которых изучалось право. Появление своей школы правоведов, безусловно, стимулировало развитие теории права в России. К тому же, первая половина XIX столетия была временем смены парадигм и создания новых дискурсов правовой и философско-правовой мысли в России. Мы можем видеть достаточно сильное влияние правовой аксиологии, в которой переплетаются правовая идеология и правовая психология. Развитие правовой аксиологии было естественным следствием истории российского государства и права с особым влиянием на них византизма и реформ общественно-политического устройства страны XVII–XVIII вв. Поэтому было естественным и то, что в начале XIX в. получили развитие этатистский и естественно-правовой тип правовопонимания. На этом фоне учение Савиньи, которое активно обсуждалось и приехавшими после европейских университетов русскими учеными, слушавшими его лекции, и теоретиками, читавшими с большим интересом его публикации, с 1830-х гг. играло роль противовеса по

отношению к сложившимся ранее типам правопонимания. В этом направлении во многом и рассматривали работы Савиньи М.М. Сперанский¹ и др.

Одним из учеников Савиньи был и Невалин, несмотря на то, что испытал на себе не меньшее влияние и Гегеля, о чем мы ниже отметим отдельно. Влияние Савиньи сказалось на работах Невалина «Энциклопедия законоведения» и «История российских гражданских законов». Ставя вопрос о том, почему в России «неуспешно» преподается и изучается история законов, Невалин выявлял проблему с освоением исторического метода изучения законов и, положительно оценивая результаты реформы юридического образования в России, писал: «Профессорские места в университетах были замещены молодыми людьми, изучившими, под руководством главы исторической школы законоведения, всю ее методу... историческая метода сделалась у нас господствующею в университетском преподавании законов» [17, с. 210]. И данную тенденцию Невалин считал перспективной для развития отечественной философско-правовой мысли.

И все же, говорить о том, что Невалин был продолжателем-копиистом идей Савиньи без их корректировки, неправильно. Например, ставя вопрос о правде, Невалин писал: «Точным и твердым образом существо правды может быть определено только в философии... Коренным положением во всякой истинной философии есть положение, что бытие полное и независимое принадлежит одному Богу; всякое другое, что ни существует, истинно существует только потому, что находится в какой-нибудь связи с Божественным» [19, с. 34–35]. И далее по тексту мы видим, что Невалин в основу теории и философии права закладывал свою концепцию Бога, определял ею законоведение.

Близок Савиньи Невалин и в вопросе понимания права. Концепт права «вообще» Невалина перекликается с определением Савиньи понятия субъективного права. Право «вообще» Невалин трактовал как основанную на правде власть, принадлежащую одному лицу по отношению к другому [19, с. 42]. Определение субъективного права у Савиньи также привязано к понятию власти, но в более гибкой и универсальной форме: «власть отдельного лица» – это сфера, в которой с нашего согласия господствует его воля [20, с. 278]. Можно согласиться с оценкой В.М. Будилова, что «благодаря установленным понятийным связям можно заметить, что у Невалина модель соотношения понятий внутренних начал правды, внешних начал правды (во внешнем обществе) и положительного законодательства близка отстаиваемой Савиньи модели соотношения

¹ М.М. Сперанский сделал много для реформирования преподавания права в России. В рамках его реализации он организовал в 1829–1834 гг. стажировки студентов духовных академий и университетов в Германии. По рекомендации А. фон Гумбольдта, Сперанский совместно с преподавателем права Дерптского университета К. Дабеловым обратился именно к Савиньи с просьбой содействовать в организации стажировок. Русские студенты, обучаясь в Берлинском университете, слушали разнообразные курсы, среди которых были лекции самого Савиньи, его последователей Рудорфа и Эйхгорна, а также и его оппонентов – Гегеля, Ганса. За активное участие в подготовке русских студентов российское правительство наградило Савиньи орденом св. Станислава II степени [1].

соответствующих понятий народного духа, народного права (убеждения народа) и объективного права» [3, с. 171].

Влияние исторической школы на концепцию Невалина проявляется в «Истории российских гражданских законов», в которой «красной нитью проходит идея о самобытности русского права в целом и гражданского в частности, которое формировалось в особых исторических условиях» [4, с. 201]. Мы видим в указанном тексте, что Невалин право определял как результат развития духовной жизни русского народа, как и искусство, религию, язык, в которых народ выразил не просто суть своего духа, но и могущество своей творческой созидательной природы.

Во введении к «Истории российских гражданских законов» Невалин дает характеристику своему методу, суть которого – соединение гегелевской философии права и немецкой исторической школы. Размышляя о соотношении русского права и мировых традиций правовой мысли и практики, он писал: «Чем всемирная история законов, чем история русского законодательства вообще должна быть как целое, тем история русских гражданских законов должна быть как часть, она должна изобразить последовательность развития закона частных между лицами отношений на почве русской народности при существовавших временных и местных условиях; она должна, означивши ту мысль идеи закона, показать нам, чем начиналось раскрытие его и в этой мысли, и как потом он, под господством своей движущей мысли, в связи с современным состоянием законодательства у других народов, в связи во всех потребностях своего содержания» [18, с. 7].

Анализируя влияние Савиньи на концепцию Невалина, можно сделать вывод, что использование современной европейской философии права не было для Невалина слепым подражанием, наоборот – оно носило творческий характер и определялось национальными приоритетами, использовалось как база для развития своего мировоззрения. Можно вполне согласиться с мнением известного исследователя М. Авенариуса, что в России «гораздо заметнее оказалось влияние Савиньи в области основ права. Здесь укрепилось воззрение, что собственное (российское) право имеет глубокие исторические корни. Именно в этой связи идеи исторической школы нашли применение к собственному праву» [1, с. 117]. Работы Невалина подтверждают этот вывод.

Невалин ставит и вопрос, традиционный для отечественной философско-правовой мысли, о соотношении права и нравственности. Сосредоточение внимания на данном вопросе не случайно. Отечественная традиция философско-правовых воззрений всегда ставит в центр вопрос о законе и нравственности, о праве и нравственности, праве и вере. «Обсуждая вопрос об отношении права и нравственности, русская философская и юридическая мысль решала проблему истоков национального права и даже шире – национального бытия» [2, с. 17]. И какие бы влияния западных школ ни испытывали отечественные мыслители, все внешние традиции преломлялись через призму вопросов о добре, нравственности, вере. И у Невалина мы это отчетливо видим.

Для Невалина вопрос о соотношении права и нравственности – это в первую очередь вопрос о соотношении законов нравственных и общест-

венных. Он писал следующее: «Правило, по которому должна происходить деятельность существ нравственных, если они не хотят отказаться от своего нравственного достоинства, хотя физически и могут поступать по оному, называется, в частности, *законом нравственным*. Правило, по которому должны поступать нравственные существа в обществе, если они не хотят отказаться от самой жизни общественной, может быть названо точнее *законом общественным*» [19, с. 43].

Понимание государства у Невolina явно отражает его интерес к философско-правовой концепции Гегеля, лекции которого он слушал в Берлинском университете. В.С. Нерсисянц, характеризуя «Энциклопедию законоведения» Невolina, отмечает, и его оценка совершенно оправдана, что это одна из первых «в России философско-правовая работа, в которой нашли отражение как высокая оценка гегелевской философии права, так и использование ряда ее идей и положений» [12, с. 512]. Государство, по мнению Невolina, есть союз, в котором «высшие цели жизни человеческой получают для себя средоточие и по возможности полное удовлетворение, и притом необходимым и прочным образом» [19, с. 45].

Неволин, обдумывая учение Гегеля, взял из него те идеи, которые были близки ему самому, и в первую очередь это идея о нравственном прогрессе человечества. Он пишет о прогрессе: «...порядок жизни общественной, один раз возникший и потом непрерывно совершенствующийся, раскрывает идею добра во всех ее направлениях и ее существование делает необходимою. Все здесь становится произведением нравственности, все совершается для целей разумных и с сознанием» [19, с. 40]. Неволин следует за Гегелем и в определении того, что государство есть действительность нравственной идеи, и что только в государстве право и свобода получают максимальные условия для реализации. Он подчеркивает разумно-волевые начала государственности как нравственного целого.

Закон, который охраняет права и обязанности лиц в обществе, – это прежде всего внутренний закон, который открывается каждому члену общества в его разуме и в действиях его совести. Права и обязанности, признанные во внешнем обществе, охраняются законом внешним, хранителем которого является государство. Внешний закон, признанный обществом, выражен во внешних знаках и ограждениях внешней же силой, т.е. государством. Для чего же нужна внешняя сила – государство? Так как не всегда нравственный закон и воля отдельной личности достаточно ею осознаны и укреплены, то требуется внешнее руководство. Нравственный смысл общественного закона состоит в том, чтобы не допустить крайних проявлений злой воли человека. Подобные рассуждения Невolina – это не только влияние идей Гегеля, они вполне вписываются в магистральную линию философско-правовых рассуждений отечественных мыслителей: их «можно найти уже у митрополита Илариона, а впоследствии оно станет частью философии права В.С. Соловьева. Очевидно, сходство размышлений объясняется в данном случае их общим источником: христианским учение о законе и Благодати» [7, с. 604].

Вопрос о взаимосвязи философии и права Неволин решает, формулируя суть предмета законоведения. Он считает, что разделение законов на естественные и положительные ведет к тому, что законоведение состоит из

двух наук – философии законодательства и положительного законовещения. В «Истории философии законодательства», являющейся второй частью «Энциклопедии законовещения», он указывал на факт систематического изучения законов в Древнем Риме, которое со временем распалось на самостоятельно существующие философию законодательства (естественное право), государственное законодательство (публичное право), гражданское законодательство (частное право), уголовное законодательство (уголовное право). В настоящее же время связь между ними должна быть восстановлена в специальной науке – энциклопедии законовещения, интегрирующей философию права и теорию права («науки законовещения»). Эти науки, по мнению Невалина, различаются по предмету изучения: на науки, чьим предметом является форма и содержание законов; на науки, изучающие «изложение и приложение законов»; и те, которые изучают историю законовещения; а «обзор всех наук законовещения в общей их связи» изучает энциклопедия законовещения [19, с. 72–73].

Законы бывают естественные и положительные. Первые являются предметом философии законодательства, вторые – предметом положительного законовещения. Философия законодательства рассматривает естественные законы «как в них самих, так и в их приложении к местным и временным обстоятельствам, показывая, как от тех и других они получают определеннейший вид, и какое вообще влияние имеют различные причины на образ их развития» [19, с. 73]. Важность философии законодательства сосредоточена, по его мнению, в ее смыслообразующей роли, излагающей «высшие начала всякого законодательства, познаваемые из ума» [19, с. 77].

Эту важную задачу философия законодательства выполнит только тогда, когда сформулирует свои принципы и законы, а для этого она должна: 1) определить составные начала, из которых складывается всякое законодательство; 2) обозначить различные возможные способы, какими могут быть сложены между собой эти составные начала для образования из них одного целого законодательства, более или менее полного и совершенного; 3) изложить совершеннейший способ соединения между собой разных начал, изобразив совершеннейшее целое, какое может быть из них составлено; наконец, 4) описать порядок постепенного образования законодательств и изменения их как с худшего на лучшее, так и с лучшего на худшее» [19, с. 389].

У положительного законовещения другой предмет и задачи – исследовать законодательства положительные, т.е. установленные государством, их исторические причины и истинный смысл, что возможно двумя методами: историческим и догматическим (методом толкования законов). Поскольку «законы настоящего времени не могут быть поняты и усовершенствованы в отдельности от законов прошедшего времени» [19, с. 77], то положительное законовещение использует две науки: 1) историю философии законодательства, изучающую не только историю отечественных законов, но и «законодательство всех вообще народов и всех времен, частью потому, что иначе не может быть постигнута идея всякого законодательства, частью потому, что особенные свойства отечественного законодательства могут открыться только из сравнения его со всеми

другими законодательствами, и эти последние могут служить для него обильнейшим источником совершенствования» [19, с. 77]; 2) историю законодательства положительного, показывающую, «что сделано уже для познания и уяснения разных частей законодательства, чем, следовательно, и нам можно воспользоваться, не употребляя для того собственных напрасных усилий, каким путем надобно следовать при изучении законов, от каких надобно уклоняться» [19, с. 78].

Осмыслив идеи Савиньи и Гегеля, Неволин использовал важные для него положения учений обоих мыслителей. Остался он и сторонником их понимания философии права, что подтверждается постоянным упоминанием необходимости союза истории и философии при одновременном следовании, как и у Гегеля, теории естественного права, различению права и закона.

Неволин указывает, что соотношение необходимости и воли исторически меняется, влияя на форму и содержание законодательства. «Формы, в которых образуется законодательство, суть или *обычаи*, или *законы в тесном смысле* этого слова» [19, с. 52]. Затем, по мере успехов образованности, разум начинает воспринимать свои права, и люди все более «привыкают действовать с сознанием». «В противоположность обычаям закон есть прямое и непосредственное *объявление властью общественной своей воли* о том, как должны поступать лица, ей подчиненные, по отношению к известному роду деяний... В законе выражается правило непосредственно, ясными словами» [19, с. 52]. Позже возникает сословие законоведов, которые, «возводя в сознание народа постановления, образовавшиеся путем обычая или путем закона, собирая и излагая их в порядке более или менее правильном, объясняя, дополняя их, исследуя их причины, указывая средства к их улучшению, участвуют в образовании законодательства теоретически и практически: теоретически, издавая сочинения о предметах законодательства и занимаясь изустным наставлением в законах; практически – полагая приговоры в судах, из них составленных» [19, с. 52–53].

В содержании законодательства, по Неволину, эволюционируют понимание и выражение божественной правды (справедливости), которая имеет пять ступеней развития: в семье, роде, гражданском обществе, государстве, союзе народов. «С каждой из этих ступеней идея законодательства уясняется более и более, с каждой права и обязанности человека получают все более определенности и твердости. В первых двух видах общества законодательство раскрывается преимущественно под влиянием необходимости, без особенного сознания в человеке; в трех последних – при свете самосознания и посредством собственной деятельности человека» [19, с. 56].

Сущность семьи, как союза супругов и детей, составляет: «1) физическое единство телесной и духовной природы во всех лицах, к нему принадлежащих; 2) истекающее отсюда чувство любви натуральной, которую все они питают друг к другу» [19, с. 58]. Семья живет в нераздельном единстве друг с другом, которое «не порождено извне» каким-либо договором. Из семейного союза происходит «род» как «совокупность лиц и семейств, происшедших из одного общего лица и семейства и соединенных между собой сознанием общего своего происхождения, единством нравов и

более или менее общим именем» [19, с. 60]. С происхождением родов начинается образование собственности. Когда члены рода «делаются по отношению друг к другу нравственно-самостоятельными, особенными лицами», род разрушается и образуется гражданское общество. Его Неволин понимает как «совокупность лиц самостоятельных, соединенных в одно общество для удовлетворения их частных потребностей общими силами» [19, с. 61]. Род занятий и образованности формируют различные сословия, расширяются виды имущества, но индивидуальные цели являются «ограниченными, конечными», а истинное основание их бытия составляет «цель нравственно-всеобщая, неограниченная, бесконечная». Это и обуславливает переход гражданского общества в государство, которое русский философ права определяет как «союз лиц, которые при своих особенных целях признают целью своей деятельности еще цель нравственно-всеобщую – совокупность всех высших целей человеческого духа» [19, с. 63]. С одной стороны, поясняет он, в государстве «все особенные цели получают обширнейшее развитие», а с другой, «члены этого союза поставляют средоточием своей деятельности не свое особенное благо, но всеобщее благо, благо целого» [19, с. 62]. Со временем государство становится членом союза народов, т.е. «во взаимных между собой отношениях каждое государство признает каждое другое самостоятельным и независимым, что и служит основанием их поведения по отношению друг к другу» [19, с. 64–65].

Работы Невוליной, по нашему мнению, вписываются в общую логику движения философско-правовой мысли России первой половины XIX столетия, что отмечают и другие исследователи: «Законоведы попытались “примирить”, соединить закон и совесть, закон и нравственность, закон и религию. Ключевой, сущностной в истолковании закона в русской юриспруденции в этот период становится категория правды, синтетически обнимающая собой справедливость, истину, добро. Правда – все то, что служит единению людей, соборности, потому закон – путь к царствию Божию» [11, с. 45].

Философский экскурс в «Энциклопедию законоведения» Неволин закончил специальным разделом «Общий взгляд на историю философии законодательства». В нем русский философ права утверждал, что к началу XIX в. философия законодательства «занималась изложением прав и обязанностей человека, вытекающих из его человеческой природы, и поэтому старалась изобразить только совершеннейший, какой возможен, для людей порядок жизни общественной, совсем не обращая или обращая очень мало внимания на несовершенные виды жизни общественной. Но таким образом явления этого последнего рода оставались непонятными, необъясненными для разума, а с тем вместе не могло быть понято и существо совершенного устройства порядка общественного. Если философия законодательства должна со всей справедливостью носить свое имя, то мы имеем полное право от нее требовать, чтобы она дала нам правила, из которых можно было бы объяснить каждое явление в области законодательства и по которым бы мы могли даже предначертать все возможные виды законодательств» [19, с. 389].

Предложив свое представление о логике истории философии законодательства, Неволин рисует следующую картину. Философия законода-

тельства развивалась, соединяя в себе два начала: необходимое, или объективное, и свободное, или субъективное. В первом «в знаменитейших древних философских системах Платона и Аристотеля за основание всех нравственных исследований принимается значение человека в ряду существ физических, неизменно определяемое его особенной природой, – дело, особенно ему предназначенное, он является под законом многообразной необходимости» [19, с. 390]. Раскрыть суть второго – субъективного начала – предприняла в основном, как считает Неволин, современная немецкая философия права. Тогда же была сделана попытка «определить отношение обоих начал между собой. Но оно еще не определено с надлежащей правильностью и точностью. Равным образом не исследованы возможные способы соединения друг с другом обоих начал. Законы образования и изменения обществ излагались в сочинениях, относящихся к философии истории; но исследования, сюда относящиеся, не доведены еще до той полноты и достоверности, какой они способны достигнуть» [12, с. 390].

Рассматривая дискурс философии в правовой концепции Неволина, мы должны обратить внимание и на его методологию. Вопрос методологии юридического знания был крайне актуален для этого времени. Неволин специально уделял внимание в «Энциклопедии законоведения» проблеме изложения логики истории законов и истории законоведения. Он указывал на методы научного исследования, необходимые для решения поставленных вопросов: первый метод – повествовательный, которым рассматриваются последовательно события из истории законов, без выяснения высших причин происходившего; второй метод – философский, которым выявляются истинные и высшие причины происходившего. «Философия, – пишет Неволин, – обнимает мыслью действительность, истинно существующее, необходимое в вещах и соединяет разнообразное в одно целое. То же самое делает и философия законодательства по отношению к положительному законодательству. Философы... отвлекают всеобщее по их понятиям, неизменное от законов и общественных установлений своего века, своего народа, и разнообразие, здесь представляющееся во множестве случайностей, возводят к единству. В философии законодательства дается нам как единое то же самое, что в положительном законодательстве мы находим рассеянным по множеству случайностей, – эти случайности в ней отсекаются и представляется только чистое существо, в них выражающееся» [19, с. 106].

Обобщив идеи современной ему литературы по философии права, Неволин дополнил их своими утверждениями в области правоведения и государствоведения, изложенными в «Энциклопедии законоведения». Формулируя итоговую программу исследований философии законоведения для себя и для последующих мыслителей, он писал: «Чтобы пополнить недостающее и достигнуть возможной степени совершенства, философия должна вступить в тесный союз с историей. История представляет нам такое множество законодательств в самых разнообразных видах, такое множество форм жизни общественной, такое множество нравственных явлений, что философии остается только этот грубый материал очищать от разнородной примеси и, отделяя необходимое от случайного, общее от частного, принимать всеобщее и необходимое в свою систему»

[19, с. 390]. Эта установка в исполнении Невוליной представила юридической науке такое их решение, которое оправданно определило широкую востребованность философских идей его «Энциклопедии законоведения» в среде русских философов права.

Литература

Исследования

1. *Авенариус М.* Савиньи и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в. // *IVS ANTIQVVM. Древнее право.* 2005. № 1(15). С. 108–118.
2. *Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // *Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология* / Сост. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова. СПб.: Алетейя, 1995. С. 8–25.
3. *Будилов В.М.* Савиньи и становление русского национального правоведения в первой половине XIX в. // *Правоведение.* 2014. № 3 (314). С. 156–187.
4. *Васильева Е.В.* Человек в науке: Константин Алексеевич Неволин и его научное наследие // *Вестник Воронежского института МВД России.* 2022. № 2. С. 198–204.
5. *Гимизян Л.С.* Нравственные начала государства и права в истории политических и правовых учений // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2012. № 2 (84). С. 38–43.
6. *Емельянов Б.В., Ионайтис О.Б.* Философско-правовые идеи русской мысли первой половины XIX в. (М.М. Сперанский и Н.М. Карамзин) // *Европейский способ мысли и русская философия (к методологии междисциплинарных исследований в философии): сборник статей: к 70-летию профессора А.Н. Ерыгина.* В 2 т. Т. 1. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2017. С. 155–162.
7. *Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В.* История политических и правовых учений. СПб.: СПбГУ, 2007.
8. *Корольков А.А.* Одухотворенная наука о праве // *Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология* / Сост. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова. СПб.: Алетейя, 1995. С. 5–7.
9. *Кресин А.В.* Дискуссии исторической и историко-философской школ: вопрос о социальных и компаративных основаниях права и юридической науки // *Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* 2016. № 3. С. 85–102.
10. *Лицук А.А.* К.А. Неволин: вехи интеллектуальной биографии // *Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета.* 2012. № 3. С. 101–105.
11. *Лукьянова Е.Г.* Учение о законе в русской юриспруденции. М.: Норма; ИНФРА-М, 2014.
12. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М.: Мысль, 1998.
13. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М.: Норма; Инфра-М, 2019.
14. *Пыльцина М.В.* К.А. Неволин о законе // *Судебная власть и уголовный процесс.* 2019. № 4. С. 102–105.
15. *Фильдштейн Г.С.* Главные течения в исторической науке уголовного права в России. М.: Зерцало, 2003.

Источники

16. Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск: б. и., 1914.
17. Неволин К.А. История российских гражданских законов: В 3 ч. Ч. 1. М.: Консультант-Плюс, 2005.
18. Неволин К.А. История российских гражданских законов // Полное собрание сочинений К.А. Неволлина. Т. 3: История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение. Кн. 1: О союзах семейственных. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. С. 1–444.
19. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. СПб.: СПбГУ, 1997.
20. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. В 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011.
21. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань: Ученые записки Казанского университета, 1893.

Emelianov, Boris V. & Ionaitis, Olga B. *The discourse of philosophy in the legal concept of K.A. Nevolin*

References

1. Avenarius, M. (2005), Savigny and his Russian students. Transfer of scientific legal knowledge in the first half of the 19th century, *IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo*, no. 1 (15), pp. 108–118 (in Russian).
2. Albov, A.P., Maslennikov, D.V., & Salnikov, V.P. (1995), Russian philosophy of Law – philosophy of being, faith and morality, in: Albov, A.P., Maslennikov, D.V., Chislov, A.I., & Filippova, S.V. (comp.), *Russkaya filosofiya prava: filosofiya very i npravstvennosti. Antologiya* [Russian Philosophy of Law: Philosophy of Faith and Morality. Anthology], Aleteia, St. Petersburg, pp. 8–25 (in Russian).
3. Budilov, V.M. (2014), Savigny and the formation of Russian national jurisprudence in the first half of the 19th century, *Pravovedenie*, no. 3 (314), pp. 156–187 (in Russian).
4. Vasilyeva, E.V. (2022), A man in science: Konstantin Alekseevich Nevolin and his scientific legacy, *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, no. 2, pp. 198–204 (in Russian).
5. Gimishyan, L.S. (2012), The moral principles of the state and law in the history of political and legal doctrines, *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, no. 2 (84), pp. 38–43 (in Russian).
6. Emelianov, B.V., & Ionaitis, O.B. (2017), Philosophical and legal ideas of Russian thought of the first half of the 19th century (M.M. Speransky and N.M. Karamzin), *Evropejskiy sposob mysli i russkaya filosofiya (k metodologii mezhdistsiplinarnykh issledovaniy v filosofii): sbornik statey: k 70-letiyu professora A.N. Erygina* [The European Way of Thinking and Russian Philosophy (On the Methodology of Interdisciplinary Research in Philosophy): Collection of articles: On the 70th anniversary of Professor A.N. Yerygin], in 2 vols., vol. 1, Yuzniy federalniy universitet, Rostov-on-Don; Taganrog, pp. 155–162 (in Russian).
7. Kozlikhin, I.Yu., Polyakov, A.V., & Timoshina, E.V. (2007), *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Doctrines], SPbSU, St. Petersburg (in Russian).
8. Korolkov, A.A. (1995), Spiritual science of law, in: Albov, A.P., Maslennikov, D.V., Chislov, A.I., & Filippova, S.V. (comp.), *Russkaya filosofiya prava: filosofiya very i*

- nravstvennosti. Antologiya* [Russian Philosophy of Law: Philosophy of Faith and Morality. Anthology], Aleteia, St. Petersburg, pp. 5–7 (in Russian).
9. Kresin, A.V. (2016), Discussions of historical and historical-philosophical schools: the question of the social and comparative foundations of law and legal science, *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, no. 3, pp. 85–102 (in Russian).
 10. Litsuk, A.A. (2012), K.A. Nevolin: milestones of intellectual biography, *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, no. 3, pp. 101–105 (in Russian).
 11. Lukyanova, E.G. (2014), *Uchenie o zakone v russkoy yurisprudentsii* [The Doctrine of Law in Russian Jurisprudence], Norma, INFRA-M, Moscow (in Russian).
 12. Nersesyants, V.S. (1998), *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], Mysl, Moscow (in Russian).
 13. Nersesyants, V.S. (2019), *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], Norma, Infra-M, Moscow (in Russian).
 14. Pylytsina, M.V. (2019), K.A. Nevolin on the law, *Sudebnaya vlast i ugolovnyy protsess*, no. 4, pp. 102–105 (in Russian).
 15. Fildshtein, G.S. (2003), *Glavnye techeniya v istoricheskoy nauke ugolovnogo prava v Rossii* [The Main Trends in the Historical Science of Criminal Law in Russia], Zertsalo, Moscow (in Russian).